

Кэтрин Кульман

**НЕТ НИЧЕГО
НЕВОЗМОЖНОГО
С БОГОМ**

Санкт-Петербург
2007

Kathryn Kuhlman

NOTHING IS IMPOSSIBLE WITH GOD

Copyright © 1974 by The Karhtyn Kuhlman Foundation

Published by Bridge Publishing, Inc.

Кульман К.

Нет ничего невозможного с Богом. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2007. — 336 с.

ISBN 978-5-8445-0173-9

© Издание на русском языке. Издательство «Библейский взгляд», 2007.

Все права защищены международным законодательством
об авторских правах.

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Опоздавший	
Том Льюис	9
Глава 2. На Божьем складе нет дефицита	
Капитан Джон Леврие	17
Глава 3. В долине теней	
Изабель Лариос	42
Глава 4. День, когда Божья милость вступила в силу	
Ричард Овеллен, доктор философии, доктор медицины	59
Глава 5. Когда нисходят Небеса	
Гильберт Штракбайн	71
Глава 6. Прикажи горе	
Линда Форрестер	96
Глава 7. Это протестантский автобус?	
Маргарита Бержерон	115
Глава 8. Исцеление — это только начало	
Дороти Дэй Отис	129
Глава 9. Пустота, созданная Богом	
Элейн Сен-Жермен	141
Глава 10. Скептик в меховой шапке	
Джо Гаммельт	155

Глава 11. Однажды я умирал...	
Кейт Пурдью	178
Глава 12. Бренная жизнь	
Марвел Лутон	187
Глава 13. Лицом к лицу с чудом	
Лоррен Гоген, репортер.....	202
Глава 14. Большой рыболов	
Сэм Даудс	216
Глава 15. Еще так много надо сделать	
Сара Хопкинс.....	238
Глава 16. То, о чем надо кричать	
Эвелин Аллен	251
Глава 17. Бог любит нас всех	
Клара Курteman.....	263
Глава 18. Мы испробовали все, кроме Бога	
Доктор Харольд Дебриц	275
Глава 19. Надежда для тех, кто страдает	
Донни Гринвей	291
Глава 20. Но в любви Он искал меня	
Патриция Бредли	309

НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО С БОГОМ

Кэтрин Кульман

На этих страницах...

...ты встретишься с Сэмом Даудсом, скандальным, исполненным ненавистью морским капитаном, чье исцеление от рака кишечника высвободило в нем любовь... с Элейн Сен-Жермен, актрисой, чье падение в наркотики и сатанизм было остановлено чудесным образом... с доктором Харольдом Дебритцем, жена которого была за секунды исцелена от болезни спины, не поддававшейся лечению специалистов в течение двадцати лет... и с многими, многими другими.

Эти чудесные, подлинные, трогательные и уникальные истории являются неопровержимым свидетельством восхитительного преобразования, которое Бог может дать всякому, кто ищет Его.

Многие радиопрограммы Кэтрин Кульман доступны на кассетах, а также в виде книг. Если ты хочешь получить ее выступления, ты можешь обратиться за списком названий по адресу:

The Kathryn Kuhlman Foundation
Post Office Box 3 Pittsburgh, PA 15230. U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дань уважения Кэтрин Кульман

Я полагаю, что теперь ее знают все. В течение почти четверти века она была сосудом Божиим, который позволял исцелению и восстановлению течь в жизнь тысяч людей.

Она была любима и обожаема миллионами, а ругали ее только те, кто не верит в божественное исцеление или кто не прилагает никаких усилий, чтобы понять ее и то, за что она выступает. Но я видел ее за кулисами, когда ей предстояло выйти на платформу перед залом, чтобы представить людям свою безграничную веру в Бога, и я внимательно наблюдал за ней. Снова и снова она молилась:

«Дорогой Боже, если Ты не помажешь меня и не коснешься меня, я — ничто. Я никчемная, когда действует плоть. Ты получишь всю славу, или я не смогу выйти туда и служить. Я не сдвинусь с места без Тебя».

И внезапно она бросалась на сцену. Это было как взрыв, и в это трудно поверить. И дело не только в том, что она говорила, — поскольку это всегда так же просто и ясно, как и стиль проповедей самого Христа. Я не понимаю, как это происходит, не понимает и она, но когда Дух начинает двигаться в ней и она внезапно чувствует побуждение бросить вызов силе сатаны во имя Иисуса, то происходят чудеса. И повсюду люди, даже самые степенные и достойные, падают навзничь на пол. Католики и протестанты поднимают руки и поклоняются Богу вместе — и все прилично и благопристойно. Сила Святого Духа перекачивается по залу, как океанские волны. Работники с телевидения вскоре поняли, что она не шарлатан и не фанатик. Люди, которых они знали, получили помощь

на ее служениях. Ей не было равных в уме и божественной мудрости. Она не была богата и не стремилась к материальным благам. Я это знаю! Лично собрав деньги, она отдала их нашему движению «Призыв подростков» и помогла оборудовать на нашей ферме приют, чтобы мы могли находить и реабилитировать безнадежных наркоманов. Ее молитвы принесли деньги для строительства церквей в заброшенных деревнях по всему свету. Она спонсировала учебу бедных детей и талантливых молодых людей, принимавших ее любовь и заботу. Она ходила со мной в гетто Нью-Йорка и возлагала любящие руки на чумазных юных наркоманов. Она не морщилась и не отворачивалась — ее забота была подлинной.

А почему эту дань уважения приношу я? Потому что Святой Дух побудил меня сделать это! Она ничего не должна мне, и я не просил от нее ничего большего, чем та любовь и уважение, которые она годами проявляла ко мне. Но слишком часто мы все отдаем дань уважения только мертвым.

И вот теперь я говорю великой женщине Божьей, которая оказала такое сильное влияние на мою жизнь и на жизнь миллионов: мы любим тебя во имя Христа! История еще скажет о Кэтрин Кульман!

Ее жизнь и смерть принесли славу Богу.

*Дэвид Вилкерсон,
автор книги «Крест и нож»*

ГЛАВА 1

Опоздавший

ТОМ ЛЬЮИС

Том Льюис, отставной армейский полковник, — это один из самых известных голливудских продюсеров. Его послужной список в издании «Кто есть кто в Америке» занимает столько же места, сколько орденские ленты на его груди. Он был основателем и продюсером «Театра экранной гильдии»; основателем студии «Радио и Телевидение Американских Вооруженных сил», которой он руководил во время второй мировой войны, и создателем и исполнительным продюсером «Шоу Лоретты Янг». Будучи членом правления Университета «Лойола», он завоевал множество наград за достижения в телевизионной продукции как у себя дома, так и по всему свету за работы для Американских Вооруженных сил. Как преданный римский католик, он сейчас входит в ту быстро растущую группу людей, которые называют себя «Католическими пятидесятниками».

Прошлой зимой мой сын, молодой режиссер, и его ровесник, продюсер того же возраста, обдумывали телепрограмму в рамках серии «Люди Иисуса». Я согласился, хотя и неохотно, написать по их просьбе презентацию. Поскольку «Дети Иисуса» были тоже молоды, то я считал, что мой сын и его помощник должны укомплектовать штаты своего проекта людьми соответствующего возраста.

Знакомство с этими молодыми людьми, которых я пытался лучше узнать, вызвало интерес и уважение к ним. Многие

из них оставили ад наркомании через возрожденную веру в Иисуса Христа. В тот момент я не вдавался в религиозные мотивы этого движения. Однако с человеческой точки зрения на меня не могла не оказать впечатление искренность «Детей Иисуса», и испугала и озадачила их фамильярная манера говорить об Иисусе, словно Он был рядом с ними.

Я всегда думал, что я — довольно религиозный человек, который живет посвященной жизнью члена римской католической церкви. Я не ходил повсюду, рассказывая об Иисусе Христе так, словно я часто и лично встречаюсь с Ним. В сущности, я редко называл Иисуса по имени. Я думал, что лучше избегать личного подхода, и предпочитал достаточно сдержанное обращение «Мой Господь» или «Благой Господь».

В ходе выполнения работы меня попросили заглянуть на служение Кэтрин Кульман, женщины, о которой высоко отзывались «Люди Иисуса». Мисс Кульман приезжала в Лос-Анджелес, в зал «Святыня» раз в месяц проводить «служение с чудесами». Я попросил оставить мне два места в центральном ряду у прохода, поближе к сцене. Однако оказалось, что билеты здесь так не приобретаются. Все стоят в очереди и занимают такие места, какие достанутся. Зал «Святыня» вмещал 7 500 человек, и мне дважды сказали, что далеко не всем желающим удастся попасть в него. Я был удивлен, и мое изумление не проходило в течение четырех или пяти месяцев, поскольку мне понадобилось такое долгое время, чтобы приехать туда и встать в очередь.

В тот день было необычно жарко для марта даже для солнечной Калифорнии. Я свернул с автострады на Хувер-стрит, чтобы оценить дорожную ситуацию вокруг зала. Обычно этот район в центре города по воскресеньям выглядит почти пустынным. Но когда я подъехал к «Святыне», то все места парковки на улице и огромной парковочной площадке были заняты. Один за другим автобусы подъезжали к главному входу, высаживая пассажиров. На некоторых автобусах были таблички «Заказной», а на других — названия тех мест, отку-

да они приехали. Я помню, на одном было написано «Санта-Барбара», на другом — «Лас-Вегас». К моему изумлению, на одном запыленном автобусе была надпись: «Портленд, Орегон» — довольно долгий путь, чтобы посетить «собрание с чудесами» Кэтрин Кульман. Я удивлялся: что же такое раздавала мисс Кульман? Это не могла быть еда — там было слишком много народа. И это не могло быть «бинго» (игра типа лото) — как может один человек управляться с 7500 карточками лотереи?

Длинная череда людей в инвалидных колясках продвигалась по улице Джефферсон к главному входу, чтобы тут же попасть внутрь. Многие мужчины и женщины несли с собой песенники, это были, видимо, члены хора. Было также много мужчин с воротничками католических служителей и женщин, одетых в темное, и я удивлялся, что тут делают священники и монахини.

Я нашел бензоколонку, где припарковал машину, а затем присоединился к тысячам ожидавших у главного входа в «Святыню». На моих часах было 11. Двери должны были отворить в час. Обычно я не жду так долго чего бы то ни было, включая Второе Пришествие. Но это оказалось поспешным выводом.

Все больше людей скапливалось позади меня, и я оказался в центре гигантской толпы. Это заставило меня почувствовать что-то типа легкой клаустрофобии, поэтому я сосредоточился на обдумывании тех идей, которые дадут основу для презентации: большая толпа довольно спокойна; совсем немного молодых людей типа «Детей Иисуса».

Эти ребята сбивались в группы, образуя острова в море тел. Они пели, стоя в ожидании, — негромко, не слишком обращая внимание на остальных. Они пели скорее тихо и мелодично. Я подумал, что это необычно. Они напомнили мне группу коптских христиан, которых я видел как-то в Риме, — они молились вслух, но не в унисон, а независимо друг от друга, хотя и вместе.

И вот толпа стала весьма большой, и кто-то в здании пожалел нас. Дверь отворили где-то без двадцати час. Люди позади меня поднажали, и меня «пронесли» мимо закрытого окошка кассы. Это удивило меня, поскольку я держал руку на кармане с бумажником, готовясь заплатить за билет.

Одна леди позади меня заметила это и засмеялась. «Здесь некуда давать деньги, — сказала она. — Но если у вас руки чешутся заплатить, то позднее можно будет сделать добровольное пожертвование».

Вот как выглядела эта большая толпа: спокойная, не праздничная, как толпа на стадионе; люди не очень-то общаются друг с другом, хотя приветливы, если их вызвать на разговор.

Я нашел место довольно далеко от сцены и сбоку в партере зала.

Ярко и сильно освещенная сцена была полна движения. Мужчины и женщины со сборниками гимнов выбирали места в рядах сидений, расставленных на сцене. Два больших концертных рояля стояли по сторонам хора. В хоре, казалось, были сотни людей, но и там, как и в других местах, не было ни беспорядка, ни суеты. Несмотря на постоянное движение из-за опоздавших хористов, пение продолжалось, словно в тишине собора. Дирижер, хрупкий, аристократического вида мужчина с белой шевелюрой, руководил репетицией с абсолютной, непререкаемой властью.

Одна миловидная пожилая леди сидела справа от меня. Судя по тому вниманию, которое она уделяла мне и тысячам сидевших вокруг нее, могло показаться, что она сидит одна в «женской часовне собора святого Патрика». На коленях у нее лежала раскрытая Библия, и она все время молча читала ее.

Библия, казалось, входила в стандартное снаряжение собравшихся. Она была и у двух молодых людей позади меня, но они не читали ее. Они проговаривали или пели слова гимнов, которые репетировались на сцене. Мне не нравилось это. Мне никогда не нравилось участие публики в представле-

ниях в театрах, концертных залах или кинотеатрах, если зал не призывали принять участие. Но мне пришлось еще долго слушать этих молодых людей.

Между тем резкий свет на сцене был затемнен, смягчен и поддвечен. Пастельные тона в одеянии хористок создавали приятный контраст с голубым круговым занавесом.

Репетиция закончилась, и хор начал петь уже по-настоящему. Большинство гимнов были старыми, хорошо знакомыми и любимыми: «Как Ты велик», «Изумительная благодать». Певцы были превосходны, их собрали, как я узнал позднее, из церквей всех деноминаций в окрестностях Лос-Анджелеса.

Без перерыва хор перешел к гимну «Он коснулся меня». Я почувствовал, как напряжение ожидания повисло в воздухе. Прожектор, установленный над сценой в кулисах, стал бегать лучом по правой части зала. Люди в зале встали и начали аплодировать. Мисс Кульман — хрупкая и тонкая фигура в приятном белом платье — вышла на сцену, напевая вместе с хором. Она подошла к старенькому на вид пюпитру, стоявшему справа от центра сцены, сняла с него микрофон в виде ожерелья, надела его на шею и, не останавливаясь, предложила залу несколько восторженных стихов гимна «Он коснулся меня». Затем, не говоря ни слова объяснения, она продолжила петь «Он — спаситель моей души». Зал и Кэтрин Кульман, похоже, соглашались, что эти гимны были особыми для нее. И опять ничего не поясняя, она начала молиться вслух. Зал встал, люди склонили головы, молча следуя за ней в молитве.

И тогда я понял, чем отличалось пение тех островков молодых людей снаружи здания; и что было особенным в пении большого хора здесь, на сцене. Да, они пели, но это было больше, чем пение. Они не исполняли, они поклонялись. И люди в зале тоже иначе реагировали. Это не была аудитория, это была община. И люди пели как один, вместе с хором, когда их призывали петь. Они молились как один, вместе с мисс Кульман. Это не было шоу, это было молитвенное соб-

рание. Я не знаю, что я чувствовал тогда, — вероятно, был доволен собой, что сделал интересное открытие.

Вскоре я, однако, обнаружил еще кое-что, и это шокировало меня. Снова и снова молодые люди позади меня громко восклицали «Аминь» и «Хвала Богу», видимо, в ответ на молитву или какое-либо заявление. И многие в зале делали то же самое. Многие держали руки поднятыми вверх, как бы моля о чем-то, и я соотнес это с позами тех библейских персонажей, которые можно видеть на витражах в окнах. Я подумал, что не стоит и говорить, к чему это все может привести, и механически стал искать глазами ближайший выход.

Один молодой человек в хоре особенно беспокоил меня. Его руки были подняты вверх большую часть времени. Должно быть, это и есть чудо из этого «служения с чудесами», подумал я. Никакая система кровообращения не сможет выдержать долгого напряжения этой позы. Эти руки просто отвалятся.

Но я забыл о нем; я забыл обо всех. Подобно леди рядом со мной, я был словно в пустой часовне в одиночестве, но в Присутствии, которое обычно нельзя найти в такой большой аудитории.

Да, так оно и было. Там было Присутствие, и потому-то толпа из многих тысяч людей погружалась временами в такую тишину, что я мог слышать звук своего дыхания и можно было потерять ощущение времени. Происходило что-то необычное — это была любовь, особая и настоящая. Я вспомнил слова песни «Детей Иисуса»: «Они узнают, что мы — христиане, по нашей любви. Они узнают, что мы — христиане, по нашей любви».

Исцеления начались — двое исцелились недалеко от меня. Я видел их до того, как их позвала мисс Кульман. Я видел изумление этих исцеленных, неверие, осознание, и затем я видел их счастье.

Исцеленные десятками выходили теперь на сцену. Люди вставали с инвалидных колясок. Встала на ноги монахиня,

которая многие годы была парализована. Я видел благодарность среди исцеленных, благодарение было таким осязаемым, что, казалось, можно было протянуть руку и коснуться его. Наркоманы получали освобождение, и, глядя на преображенные, сияющие лица, я видел их внутреннее возрождение и моральное восстановление.

Я потерял из виду череду событий, поскольку в какой-то неуловимый для меня момент я перестал видеть и начал чувствовать. Я ощущал до глубины своей сущности.

Я понял, что веду общение — самое поразительное, кристально честное общение в моей жизни. Я говорил с Богом. Где-то внутри себя я говорил Богу о вещах, которых никогда не знал прежде или которых не мог или не хотел признавать.

Несмотря на свидетельство своей плоти, несмотря на видимые и явные факты моей суетной жизни, несмотря на любовь и общение моих сыновей и их друзей, моих собственных многочисленных друзей, несмотря на мои земные интересы, мои увлечения, — несмотря на все это, я говорил Богу, что я беспокоен и одинок. Глубоко, отчаянно одинок, но не из-за отсутствия людей или вещей. Этого у меня было в изобилии. Я сказал Богу, что я пуст. А затем меня охватило сильнейшее чувство, которое я когда-либо знал, — голод, грубый, сильный, первобытный.

Я увидел, что люди собираются в проходах и заполняют сцену. Мисс Кульман пригласила тех, кто хотел принять Христа в свою жизнь, выйти вперед, признать свои грехи, принять Иисуса как своего личного Спасителя и полностью и окончательно подчиниться Ему.

Я пошел за ними и оставался среди них. Я, человек, который не был участником представления, который достиг искушенности в жизни. Когда я давал свой обет, то делал это с самым благоговейным осознанием важности и ответственности этого шага. Я просил Бога, чтобы не бояться этого. И Он сделал так.

В тот вечер по дороге домой в маленький город Оджай я плакал. Я плакал всю дорогу. Я не был ни счастливым, ни опечаленным. Я ощущал себя очищенным.

Проснувшись ночью, я мгновенно и полностью осознал, что произошло. Я снова посвятил себя Христу и при этом не имел ни сомнений, ни страхов перед моим посвящением, и заснул здоровым сном без сновидений.

На следующее утро я вышел из своего дома в деревне и направился в маленький городок Оджай. Я чувствовал себя отдохнувшим и спокойным, а эмоции вчерашнего дня были далеко позади. Я прошел мимо поместной церкви, маленькой испанской колониальной часовни на главной улице. Это было время великого поста. Было около 11.30 утра, и я знал, что в церкви должна была проходить месса.

Так оно и было. Я пришел к Евхаристии, мы обычно называем ее Святым причастием. Я автоматически подошел к алтарю, и поскольку там было только шесть или восемь человек, мы приняли Евхаристию — хлеб и вино. Вместо того, чтобы вернуться в заднюю часть часовни, я преклонил колени на первой скамье.

И хорошо, что я так сделал. То, что я принял в свое тело, это не было ни хлебом, ни вином, ни символом, ни напоминанием. Это было Тело и Кровь Христа, и результатом во мне стало самое глубокое знание настоящего присутствия Христа. Это было переживание великой, неизъяснимой радости, и мое тело сильно дрожало, несмотря на усилия сдержать дрожь.

Иисус Христос был со мной, и каждая клеточка моего тела свидетельствовала о Его реальности. Я положил голову на руки, и время остановилось для меня.

Бог жив. Бог действительно жив, и Он движется среди нас, и Он выдыхает Свой Святой Дух на нас. И посредством Крови, пролитой за нас Его Божественным Сыном, Он готовит нас к тому, что лежит у нас впереди в этом беспокойном мире — и за его пределами.

Хвала Богу!